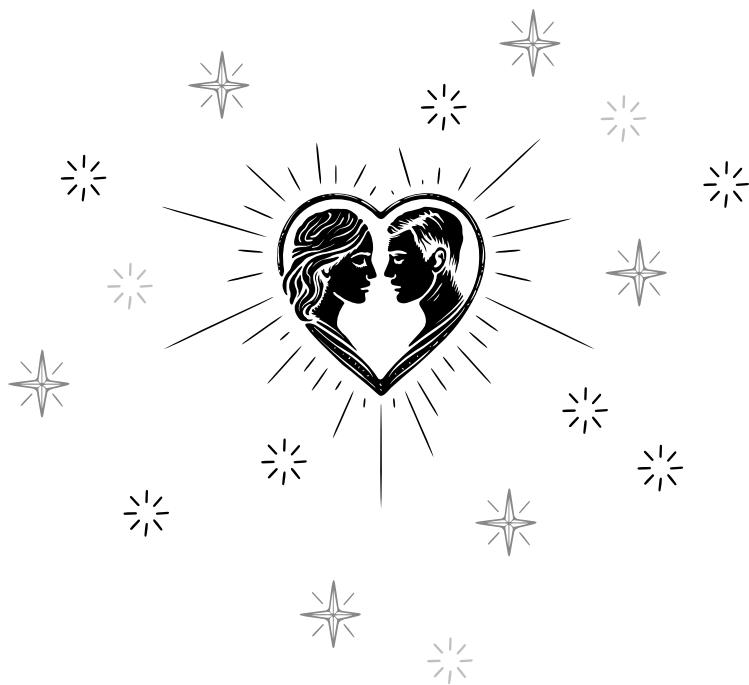

> МАГИСТРАЛЬ <

О. ГЕНРИ

Дары волхвов

Москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г34

О. Henry

The Gift of the Magi

Перевод с английского

Разработка серии и художественное оформление *Анастасии Зининой*

Иллюстрация на переплете *Натальи Портянной*

Генри, О.

Г34 Дары волхвов : [перевод с английского] / О. Генри. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Коллекция).

ISBN 978-5-04-221870-5

В книгу вошли рассказы известного писателя О. Генри, признанного мастера новелл с неожиданными развязками. Их герои то просто «маленькие люди» большого Нью-Йорка, то легкомысленные и веселые художники и писатели, то парни из лихого бандитского района и их трогательно верные подруги, то обитатели Дикого Запада — ковбои, ранчеры, фермеры. Их сюжеты всегда захватывающие увлекательны, развязки — стремительны и неожиданны. Все они полны тонкого юмора, неожиданных сравнений и непредсказуемых развязок. Герои рассказов благородны и романтичны, изобретательны и находчивы, оптимистичны и жизнелюбивы и находят выход из любой ситуации.

О. Генри (настоящее имя Уильям Сидни Портер, 1862–1910) — американский писатель, юморист. Сюжеты произведений часто черпал из жизни. Сидя в тюрьме по обвинению в растрате, написал первый рассказ. Его творения имели счастливый финал, а вот самого автора судьба не радовала. Так, знаменитые «Дары волхвов» были написаны после того, как он приехал к умирающей жене на Рождество. Он успел попрощаться с любимой, а она — преподнести мужу последний подарок — золотую цепочку для его часов. Женщина не знала, что эти самые часы он продал, дабы на вырученные деньги приобрести билет в родной город.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Озерская Т., перевод на русский язык. Наследники, 2025
© Лехтерева Н., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Лори М., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Матвеева А., перевод на русский язык, 2025
© Дарузес Н., перевод на русский язык. Наследники, 2025
© Чуковский К., перевод на русский язык. Наследники, 2025
© Бернштейн И., перевод на русский язык. Наследники, 2025
© Волжина Н., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Холмская О., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Галь Н., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221870-5

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Вот и всё, что было. И шестьдесят центов из них были мелочью. Мелочь эту выгадывали по одному и по два цента, торгуясь у бакалейщика, зеленщика и мясника, пока щёки не начинали гореть от молчаливого обвинения в скопости, которое подразумевал такой активный торг. Делла трижды пересчитала деньги. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра будет Рождество.

Очевидно, теперь ничего не оставалось, кроме как плюхнуться на маленький потёртый диванчик и заплакать. Так Делла и поступила. Это порождает моральное суждение о том, что жизнь состоит из рыданий, всхлипываний и улыбок, причём преобладают всхлипывания.

Пока хозяйка дома постепенно переходит от первой стадии ко второй, давайте взглянем на дом. Меблированная квартира за 8 долларов в неделю. Это не такое уж бедное описание, но слово «бедный» определённо употреблялось отделом полиции по борьбе с попрошайками.

В передней внизу был почтовый ящик, в который было бы трудно просунуть даже одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которого палец ни одного смертного не смог бы извлечь ни звука. Рядом с кнопкой также была карточка с именем «Мистер Джеймс

6 *O. Генри*

Диллингем Янг». Деньги на надпись «Диллингем» были брошены на ветер в прежний период процветания, когда её обладателю платили 30 долларов в неделю. Теперь, когда его доход сократился до 20 долларов, надпись «Диллингем» выглядела размытой, как будто буквы всерьёз подумывали о том, чтобы сократиться до скромной и непрятательной буквы «Д». Но всякий раз, когда мистер Джеймс Диллингем Янг возвращался домой и поднимался в свою квартиру наверху, его звала «Джим» и крепко обнимала миссис Джеймс Диллингем Янг, уже представленная вам как Делла. И всё это было очень хорошо.

Делла прекратила плакать и промокнула щёки пуховкой для пудры. Девушка стояла у окна и меланхолично смотрела на серую кошку, прогуливающуюся вдоль серого забора на сером заднем дворе. Завтра Рождество, а у неё остался всего доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Она откладывала каждый цент, который могла сэкономить, в течение нескольких месяцев, и вот результат. Двадцать долларов в неделю — это не так уж много. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. Так всегда бывает. Всего доллар восемьдесят семь центов на подарок для Джима. Для её любимого Джима. Как много счастливых часов она провела, придумывая для него какой-нибудь приятный подарок. Что-то прекрасное, редкое и безупречное — что-то хоть немного близкое к тому, чтобы быть достойным чести принадлежать Джиму.

Между окнами комнаты стояло трюмо. Возможно, вам доводилось видеть трюмо в квартире за 8 долларов. Лишь очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая за быстрой сменой своих отражений в продольных узких зеркалах такого трюмо, составить

довольно точное представление о своей внешности. Делла, будучи стройной, овладела этим искусством.

Внезапно она резко отвернулась от окна и встала перед зеркалом. Её глаза ярко блестели, но лицо побледнело за двадцать секунд. Она быстро распустила волосы, и они упали ей на плечи.

Нужно сказать, супруги Джеймс Диллингем Янг обладали двумя ценностями предметами, которыми оба очень гордились. Одним из них были золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду. Другим их достоянием были волосы Деллы. Если бы царица Савская жила в комнате, выходящей окнами на внутренний дворик, Делла, однажды помыв волосы, могла бы сушить их у своего окна, просто чтобы обесценить драгоценности и подарки её величества. Если бы царь Соломон был дворником, хранившим свои сокровища в подвале, Джим доставал бы свои часы каждый раз, когда проходил мимо него, просто чтобы посмотреть, как царь рвет на себе бороду от зависти.

Так вот, сейчас прекрасные волосы Деллы ниспадали на её фигуру, струясь и блестя, как каскад каштановых вод. Длиной они были ниже колен и укрывали её, как одежда. А потом Делла снова стала их собирать в причёску, нервными и быстрыми движениями. Но вдруг она на минуту заколебалась и замерла, и пара слезинок упала на потёртый красный ковёр.

Она накинула свой старый коричневый жакет, надела свою старую коричневую шляпку и с шелестом юбок и всё ещё блестящими от слёз глазами, выпорхнула за дверь, а потом спустилась по лестнице на улицу.

Табличка, перед которой она остановилась, гласила: «Мадам Софрони. Товары для волос всех типов». Делла взбежала на второй этаж и, тяжело дыша, пришла

8 *O. Генри*

в себя. Мадам, крупная, дебелая и холодная, едва ли походила на Софрони.

— Вы не купите мои волосы? — спросила Делла.

— Я покупаю волосы, — сказала мадам. — Снимите свою шляпку, давайте взглянем на них.

Каштановый каскад заструился сверху вниз.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, взвесив массу волос опытной рукой.

— Поскорее дайте мне их, — сказала Делла.

О, следующие два часа пролетели как на розовых крыльях. Не обращайте внимания на эту избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка Джиму.

Наконец она нашла его. Он, несомненно, был создан для Джима и ни для кого другого. Ни в одном из магазинов не было ничего подобного, а она перевернула их все вверх дном. Это была платиновая цепочка для часов, простая и сдержанная по внешнему виду, должностным образом заявляющая о своей ценности только своей сутью, а не вычурными украшениями, как и положено всем хорошим вещам. Цепочка даже была достойна часов. Как только Делла увидела эту вещь, то сразу поняла, что она должна принадлежать Джиму. Цепочка была такой же, как он. Неброская и ценная — это описание подходило к ним обоим. За цепочку с неё взяли двадцать один доллар, и она поспешила домой с восемьюдесятью семью центами. С такой цепочкой для часов Джиму было бы не стыдно проверять время в любой компании. Какими бы роскошными ни были сами часы, он иногда поглядывал на них лишь украдкой — из-за старого кожаного ремешка, который он использовал вместо цепочки.

Когда Делла добралась до дома, её радостное возбуждение немного отступило перед благородствием и здра-

вым смыслом. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась за дело, устранив ущерб, нанесённый щедростью вкупе с любовью. А это всегда огромный труд, дорогие друзья, просто гигантский труд.

Через сорок минут её голова покрылась упругими крошечными кудряшками, которые делали её удивительно похожей на прогуливающего уроки школьника. Она долго, внимательно и критически разглядывала своё отражение в зеркале.

«Если Джим не убьёт меня сразу, — сказала она себе, — прежде чем он меня получше разглядит, он скажет, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что я могла поделать — о! что я могла купить на доллар и восемьдесят семь центов?»

В семь часов кофе был сварен, а сковорода стояла на плите, нагретая и готовая к приготовлению отбивных.

Джим никогда не задерживался. Делла зажала цепочку в руке и села на угол стола рядом с входной дверью. Затем она услышала его шаги на лестнице первого этажа и на мгновение побледнела. У неё была привычка читать маленькие тихие молитвы, прося о чём-то самом простом и повседневном, и сейчас она прошептала: «Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы он не перестал считать меня хорошенькой».

Дверь открылась, вошел Джим и закрыл её за собой. Он выглядел исхудавшим и очень серьёзным. Бедняга, ему было всего двадцать два года — а он уже был обременён семьей! Ему нужно было новое пальто, и у него не было перчаток.

Джим неподвижно замер в дверях, как сеттер, почуявший перепёлку. Его глаза были прикованы к Делле, в них появилось такое выражение, которое она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев,

ни удивление, ни неодобрение, ни ужас, ни какая-либо другая эмоция, к которой она была готова. Он просто пристально смотрел на неё с этим странным выражением лица.

Делла скользнула со стола и подошла к нему.

— Джим, дорогой, — воскликнула она, — не смотри на меня так. Я остригла волосы и продала их, потому что не смогла бы пережить это Рождество, если бы не подарила тебе подарок. Они снова отрастут — ты ведь не будешь возражать, правда? Я просто должна была это сделать. Мои волосы растут очень быстро. Скажи «Счастливого Рождества!», Джим, и давай будем счастливы. Ты не представляешь, какой хороший... какой прекрасный, славный подарок я приготовила для тебя.

— Ты остригла свои волосы? — спросил Джим с трудом, как будто он ещё не осознал этот очевидный факт даже после тяжелейшего умственного напряжения.

— Остригла и продала, — сказала Делла. — Разве я тебе не нравлюсь так же, как прежде? Я всё та же, пусть и с короткими волосами, не так ли?

Джим с удивлением оглядел комнату.

— Так ты говоришь, твоих длинных волос больше нет? — спросил он с немного глузым видом.

— Не ищи их, — сказала Делла. — Говорю тебе, они проданы — проданы и их больше нет. Сегодня канун Рождества, мой мальчик. Будь снисходителен, ведь я сделала это ради тебя. Может быть, волосы на моей голове все сочтены¹, — продолжала она с внезапной серьёзностью в нежном голосе, — но никто никогда не сможет измерить мою любовь к тебе. Так мне поджарить тебе отбивные, Джим?

¹ Евангелие от Луки, 12:7. — Примеч. пер.

Джим словно внезапно очнулся от транса. Он обнял свою Деллу. Давайте скромно отвернёмся на десять секунд и рассмотрим какой-нибудь несущественный посторонний предмет. Есть ли разница между восемью долларами в неделю или миллионом в год? Математик и остряк дали бы вам неправильный ответ на этот вопрос. Волхвы принесли ценные дары, но такого подарка среди них не было. Это непонятное утверждение будет объяснено позже.

Джим вытащил из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

— Не сомневайся, Делл, — сказал он, — насчёт меня. Я думаю, ничто, будь то стрижка или шампунь, не могло бы заставить меня разлюбить мою девочку. Но если ты развернёшь этот свёрток, то, возможно, поймёшь, почему поначалу я был в замешательстве.

Белые проворные пальцы порвали бечёвку и бумагу. А затем восторженный возглас радости; а далее — увы! — быстрая женская смена настроения на истерический плач и всхлипывания, что потребовало от хозяина дома немедленного применения всех средств утешения.

Ведь там лежали гребни — набор гребней, боковой и задний, на которые Делла так давно с благоговением засматривалась в витрине на Бродвее. Красивые, настоящие черепаховые гребни с украшенными драгоценными камнями ободками — у них как раз тот оттенок, который так бы подошёл к красивым отрезанным волосам. Она знала, что это были дорогие гребни, и её сердце просто жаждало их и тосковало по ним без малейшей надежды на обладание. И теперь они принадлежали ей, но локоны, которые эти желанные предметы должны были украшать, исчезли.

Но Делла прижала их к груди и, когда наконец смогла поднять затуманенные глаза, она улыбнулась и сказала:

— У меня так быстро растут волосы, Джим! — И вскочив, как ошпаренная кошечка, воскликнула:

— О, о!

Джим ещё не видел своего прекрасного подарка. Она с предвкушением протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заблестел, отражая вспышку её оживлённого настроения.

— Разве это не шикарная вещь, Джим? Я искала её по всему городу и нашла. Теперь ты сможешь смотреть на часы хоть по сто раз на дню. Дай мне свои часы. Я хочу увидеть, как они будут смотреться вместе.

Вместо того чтобы подчиниться её просьбе, Джим повалился на диван, заложил руки за голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — давай уберём наши рождественские подарки и некоторое время придержим их у себя. Они слишком хороши, чтобы пользоваться ими прямо сейчас. Я продал часы, чтобы добыть денег на покупку твоих гребней. А теперь, думаю, тебе надо поджарить отбивные.

Волхвы, как вы знаете, были мудрецами — на редкость мудрыми людьми, — которые принесли дары младенцу в яслях. Они и придумали традицию дарить рождественские подарки. Так как они были мудрыми, их дары, без сомнения, были им под стать, вероятно, с возможностью обмена в случае одинаковых подарков. И вот я простыми словами дал вам незатейливое описание жизни двух глупых юных созданий из меблированной комнаты, которые самым неразумным образом пожертвовали друг для друга своими главными сокровищами. Но да будет сказано в качестве назида-

ния мудрецам наших дней, что из всех людей, дарящих подарки, эти двое были мудрейшими. Из всех, кто дарит и получает дары, мудрее всех такие люди, как они. Мудрее всех и повсюду. Они и есть волхвы.

Из любви к искусству

Когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы. Такова предпосылка. Наш рассказ явится выводом из этой предпосылки и вместе с тем ее опровержением. Это будет оригинально и ново с точки зрения логики, а как литературный прием — лишь немногим древнее, чем Великая Китайская стена.

Джо Лэрреби рос среди вековых дубов и плоских равнин Среднего Запада, пылая страстью к изобразительному искусству. В шесть лет он запечатлел на картоне городскую водокачку и одного почтенного обывателя, в большой спешке проходящего мимо. Этот плод творческих усилий был заключен в раму и выставлен в окне аптеки рядом с удивительным початком кукурузы, в котором зерна составляли нечетное количество рядов. Когда же Джо Лэрреби исполнилось двадцать лет, он, свободно повязав галстук и потуже затянув пояс, отбыл из родного города в Нью-Йорк.

Дилия Кэрузер жила на Юге, в окруженном сосновыми селении, и звуки, которые она умела извлекать из шести октав фортепьянной клавиатуры, порождали столь большие надежды в сердцах ее родственников, что с помощью последних в ее копилке собралось достаточно денег для поездки на Север с целью завершения музыкального образования. Как именно она его завершит, ее родственники предугадать не могли... впрочем, об этом мы и поведем рассказ.

Джо и Дилия встретились в студии, где молодые люди, изучающие живопись или музыку, собирались, чтобы потолковать о светотени, Вагнере, музыке, творениях Рембрандта, картинах, обоях, Вальдтейфеле, Шопене и улонге¹.

Джо и Дилия влюбились друг в друга или полюбились друг другу — как вам больше по вкусу — и, не теряя времени, вступили в брак, ибо (смотри выше), когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы.

Мистер и миссис Лэрреби сняли квартирку и стали вести хозяйство. Это была уединенная квартирка, затерявшаяся в каком-то закоулке подобно самому нижнему ля-диез фортепьянной клавиатуры. Супруги были счастливы. Они принадлежали друг другу, а Искусство принадлежало им. И вот мой совет тому, кто молод и богат, — продай имение твое и раздай нищим... а еще лучше — отдай эти денежки привратнику, чтобы поселиться в такой же квартирке со своей Дилией и своим Искусством.

Обитатели квартирок, несомненно, подпишутся под моим заявлением, что они самые счастливые люди на свете. Дом, в котором царит счастье, не может быть слишком тесен. Пусть комод, упав ничком, заменит вам бильярд, каминная доска — трюмо, письменный стол — комнату для гостей, а умывальник — пианино! И если все четыре стены вздумают надвинуться на вас — не беда! Лишь бы вы со своей Дилией уместились между ними. Ну а уж если нет в вашем доме доброго согласия, тогда пусть он будет велик и просторен, чтобы вы могли войти в него через Золотые Ворота, повесить шляпу на мыс Гаттерас, платье — на мыс Горн и выйти через Лабрадор!

¹ Улонг — сорт китайского чая.

Джо обучался живописи у самого великого Маэстри. Вы, без сомнения, слышали это имя. Дерет он за свои уроки крепко, а обучает слегка, что, вероятно, и снискало ему громкую славу мастера эффектных контрастов. Дилия училась музыке у Розенштока — вы знаете, конечно, какой широкой известностью пользуется этот возмутитель покоя фортепьянных клавиш.

Джо и Дилия были очень счастливы, пока не прожили всех своих денег. Так оно всегда... но я не хочу показаться циником. Стоявшая перед ними цель была им совершенно ясна. Джо в самом непродолжительном времени должен был написать такие полотна, ради обладания которыми пожилые джентльмены с тощими бакенбардами и толстыми бумажниками будут лупить друг друга кистенем по голове у него в мастерской. Дилия же должна была познать все тайны Музыки, затем пресытиться ею и приобрести обыкновение при виде непроданных мест в партере или в ложах лечить внезапную мигрень омарами, уединившись в своих личных апартаментах и отказываясь выйти на эстраду.

Но прекраснее всего, на мой взгляд, была сама их жизнь в маленькой квартирке: горячие, увлекательные беседы по возвращении с уроков; уютные обеды вдвоем и легкие, необременительные завтраки; обмен честолюбивыми мечтами — причем каждый грезил не столько своими успехами, сколько успехами другого; взаимная готовность помочь и ободрить и — да простят мне непрятязательность моих вкусов — бутерброды с сыром и маслины перед отходом ко сну.

Однако дни шли, и высоко поднятое знамя Искусства бессильно повисло на своем древке. Так оно бывает порой, хотя знаменосец и не виноват. Все из дома и ничего в дом, как говорят грубые, одержимые практициз-